

АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ

Вирджиния

ВУЛФ:

«МОМЕНТЫ БЫТИЯ»

Александр Яковлевич Ливергант

Вирджиния Вулф:

«моменты бытия»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38569327

*Вирджиния Вулф: «моменты бытия»: Издательство АСТ: Редакция
Елены Шубиной; М.; 2018
ISBN 978-5-17-109256-6*

Аннотация

Александр Ливергант – литературовед, критик, главный редактор журнала «Иностранная литература», переводчик (Джейн Остен, Генри Джеймс, Владимир Набоков, Грэм Грин, Джонатан Свифт, Ивлин Во и др.), профессор РГГУ. Автор биографий Редьярда Киплинга, Сомерсета Моэма, Оскара Уайльда, Скотта Фицджеральда, Генри Миллера и Грэма Грина.

Новая книга «Вирджиния Вулф: “моменты бытия”» – не просто жизнеописание крупнейшей английской писательницы, но «коллективный портрет» наиболее заметных фигур английской литературы 20–40-х годов, данный в контексте бурных литературных и общественных явлений первой половины XX века.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	18
Глава вторая	32
1	32
2	42
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Яковлевич Ливергант Вирджиния Вулф: «МОМЕНТЫ БЫТИЯ»

© Ливергант А.Я.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*...что может быть занятнее,
чем биография писателя?*
В. Вулф. «Я – Кристина Россетти»

*Что подделаешь, читая биографию,
мы всё видим в несколько ином свете.
Там же*

Глава первая

Гайд-парк-гейт 22: Радости

1

Когда в 1875 году сорокатрехлетний радикал, атеист, вольнодумец, издатель и автор первого выпуска многотомного «Словаря национальной биографии» сэр Лесли Стивен потерял умершую в расцвете лет жену (Харриет Мэриан, младшую дочь Уильяма Теккерея; женщину не слишком красивую, не слишком умную и не слишком заметную), – он посчитал, что жизнь кончилась. Она же только начиналась: незадолго до смерти жены в доме Стивенов впервые появилась ее подруга – сама, несмотря на молодость, вдова с тремя детьми, – миссис Герберт Дакуорт, урожденная Джулия Джексон.

Очень скоро Джулия сблизилась с домочадцами покойной Харриет, в особенности же с главой семьи, и спустя два с половиной года, в марте 1878-го, вышла за Лесли Стивена замуж: сорокапятилетний ученый муж воспылал к своей тридцатидвухлетней утешительнице и советчице мгновенной и нешуточной любовью. Поначалу был отвергнут безутешной вдовой – после смерти любимого мужа, совсем еще молодого

юриста Герберта Дакуорта, с которым Джулия прожила всего-то четыре года, «вся жизнь казалась ей кораблекрушением», – однако продолжал осаду и своего добился. И тем самым убил двух зайцев: не только обрел верную и заботливую жену, с которой прожил в мире и согласии без малого двадцать лет, но и избавился от весьма обременительной опеки своей золовки Энни, сестры покойной жены, взбалмошной, сверхчувствительной болтушки, одолевавшей сэра Лесли чтением вслух своих бездарных романов, таких же многословных, как и она сама.

За последующие пять лет Джулия родила сэру Лесли четверых детей: двух мальчиков – Тобиаса и Адриана, и двух девочек – Ванессу, самую старшую из четверых, и Вирджинию. Помимо них, в доме на Гайд-парк-гейт 22 росли еще трое детей Джулии от первого брака – сыновья Джордж и Джеральд и дочь Стелла (своим именем Ванесса обязана ей¹). Лаура, дочь сэра Лесли от первого брака, – девушка, как и ее бабушка, жена Теккеря, психически неполноценная, – жила не с единокровными братьями и сестрами в лондонском доме Стивенсов, а в психиатрической клинике, куда ее поместили еще в младенчестве.

У Бена Джонсона, известного драматурга времен Елизаветы, есть пьеса «Всяк в своем нраве» – вот и в детской, на последнем этаже дома на Гайд-парк-гейт, каждый из детей тоже

¹ Стелла Джонсон и Ванесса (Эстер) Ваномри – подруги и корреспондентки Джонатана Свифта.

был «в своем нраве». Что, скажем к слову, ничуть не мешало юным Стивенам всё делать вместе – вместе играть, вместе читать, вместе заниматься; родители старательно прививали детям интерес к коллективным играм – не этим ли – по контрасту – вызвана тяга Вирджинии, когда она вырастет, к независимости и одиночеству?

Над самым старшим, Джорджем – правильным, серьезным и не слишком умным – издевались все без исключения. А когда подросли, рисовали на него карикатуры, придумывали смешные истории... Джордж надувался, но ненадолго. Ванесса взяла на себя, как старшей дочери и положено, роль эдакой матроны, доброй, но строгой нянюшки. Тоби – толстый, неуклюжий, плаксивый, но при этом веселый, шумный, общительный (весь в своего дядю Джеймса Фитцджеральда Стивена) – был всеобщим любимцем. Строгая и принципиальная Ванесса всё брату прощала и опекала его больше и заботливее остальных. Младшие же дети были антиподами. Адриан, любимчик матери, – тихий, незаметный, какой-то забитый, точь-в-точь отец в его возрасте. Розовощекая, зеленоглазая Вирджиния – напротив, говорлива, требовательна, вспыльчива; Ванесса вспоминала, что в мгновения гнева личико младшей сестры становилось «очаровательно огнедышащим» (“the most lovely flaming red”).

Невозможно было предвидеть, что Козочка, как в течение многих лет домашние называли Вирджинию, сотворит в следующий момент, как себя поведет, что учинит. Будет ли рас-

певать песни, или куда-то убежит, или, в ожидании молока с печеньем, станет яростно колотить кулачками по столу. Или примется задавать братьям и сестрам совершенно неожиданные и «неполиткорректные» вопросы, вроде: «Кого ты больше любишь, папу или маму?» Столь же трудно было предвидеть, что с возрастом «огнедышащая» круглолицая светловолосая девочка превратится в высокую, худую, задумчивую, погруженную в себя, словно вылепленную из мрамора темноволосую красавицу, какой мы привыкли видеть Вирджинию Вулф на многочисленных портретах и фотографиях.

Установившиеся в детской роли останутся неизменными и в дальнейшем, когда Стивены вырастут. С Адрианом, младшим братом, будущим психиатром, человеком неуверенным в себе, меланхоличным, нескладным, отношения у Вирджинии, прожившей с ним под одной крышей не один десяток лет, всегда были сложные. Для нее Адриан всегда оставался «бедным маленьким мальчиком».

Роль старшего сына Стивенсов Тобиаса была совершенно иной. Как и Адриан, Тоби, особенно поначалу, был нерадив, учился неважно, не попал в Итон – и вынужден был довольствоваться куда менее престижным Клифтон-колледжем, однако нотации сестрам и младшему брату, для которых он всегда, до самой смерти, оставался высшим авторитетом и предметом для подражания, почитать любил.

«От меня он всегда требовал, чтобы я ясно

выражалась, говорила то, что хочу сказать», – вспоминала Вирджиния.

С возрастом Тоби сильно изменился, неуживчивость и легкомыслие куда-то исчезли, он сделался усидчив; заинтересовался правоведением, увлекся охотой и зоологией: завел тетрадь, где кропотливо зарисовывал птиц и животных, описывал их повадки. В Кембридже окружил себя компанией интеллектуалов, в беседах с ними засиживался до поздней ночи. Стал не только семейным баловнем, но и университетским.

Ванессу не все любили, но все слушались. Слушались и подражали, даже эксцентричная и неуправляемая Красотка – еще одно домашнее прозвище Вирджинии – не стала исключением. Отношения со старшей сестрой – красавицей, уверенной в себе, практичной, всегда знавшей, к чему стремиться, типичной «победительницей» и «отличницей» – у Вирджинии всегда были самые близкие и в то же время очень непростые.

«Мои отношения с Ванессой, – заметила спустя много лет Вирджиния Вулф, – слишком глубоки, чтобы устраивать ей сцены».

Сцен между ними и впрямь не было, ни та, ни другая этого бы не допустили. Отношения сестер Стивен – постоянный, нередко мучительный процесс взаимного притяжения и отталкивания, как это бывает лишь с очень близкими людьми. Вирджиния ревновала сестру, завидовала ей, обижалась на

нее, случалось – отказывалась ее понимать, но при этом всегда прислушивалась к ее мнению и не скрывала, как много Ванесса для нее значит, в том числе и как для писателя; написала однажды сестре:

«Я всегда чувствую, что для тебя пишу в большей степени, чем для кого-нибудь еще».

Союз сестер был не только человеческим, но и творческим: художница Ванесса будет иллюстрировать романы писательницы Вирджинии; о влиянии живописи старшей сестры на прозу младшей можно было бы написать книгу.

Зато со Стеллой, дочерью Джулии от первого брака, похожей на мать и внешне (бледна, золотые волосы, мечтательные голубые глаза), и внутренне (покладиста и жертвенна), отношения у Вирджинии были проще некуда. Со Стеллой, впрочем, легко было всем: еще при жизни матери (которая, к слову, была порой с ней резка и далеко не всегда справедлива) она с готовностью помогала ей по дому, брала на себя ответственность, заботилась о родителях и о братьях-сестрах, родных и единокровных. Опекала и Вирджинию; опекала и допекала. В своем детском дневнике, толстой тетради в кожаном переплете с золотым обрезом, Вирджиния жаловалась, что Стелла, с которой она проводила большую часть дня вместе (братья – в школах, Ванесса – в художественном училище), упорно приучает ее к порядку.

Упорно, но безо всякого толку – нельзя же приучить к порядку стихию, Красотка же (а также Билли, Обезьянка или

Козочка) с детства, как уже говорилось, отличалась крайним своеволием, могла ударить и даже укусить, не терпела противодействия, всегда добивалась своего.

«Была вздорна, вспыльчива, хитра, проказлива, – вспоминала Ванесса. – От гнева розовые щечки этого зеленоглазого ангелочка в бархатной курточке с гофрированным воротником мгновенно становились малиновыми».

Умела, впрочем, быть и паинькой.

«Крошка Джиния, – вспоминал сэр Лесли, души в младшей дочери не чаявший, – уже абсолютная кокетка. Сегодня я сказал ей, что мне надо идти работать, и она под села ко мне на диван, прижалась, подняла на меня свои зеленые глазки и шепнула: “Папа, не уходи”. Вот ведь мошенница!»

Была шаловлива, смешлива, – но и робка, труслива и очень, с самого детства, возбудима. Боялась темноты, требовала, чтобы ночью оставляли в детской свет; впрочем, пугал ее и огонь в камине. С возрастом, когда стала ходить одна, без взрослых, – боялась переходить улицу. Боялась, когда на нее смотрели, – краснела и отводила глаза; пуще же всего боялась, что над ней станут смеяться. При всей своей сообразительности заговорила – поздно; любила выдумывать новые, длинные и непонятные слова, чем приводила в восторг отца и его высоколобых друзей, в том числе и своего горячего поклонника, американского посла в Лондоне,

поэта Джеймса Расселла Лоуэлла, подарившего ей пиалу для посета и птичку в клетке.

До школы детей учили дома, сначала – гувернантки, швейцарка и француженка, потом – сами родители; сэр Лесли обучал детей математике и рисованию, Джулия – латыни, истории и французскому. Сам сэр Лесли рисовал отменно, да и Джулия неплохо знала латынь и бойко говорила по-французски. А вот педагогическими способностями ни тот, ни другой похвалиться не могли. Обоим не хватало терпения и настойчивости, сэр Лесли легко выходил из себя и больше всего любил не учить детей, а читать им вслух – в особенности, подобно мистеру Хилбери из раннего романа Вирджинии «День и ночь», своего любимого Вальтера Скотта. Учили сестер также танцам, музыке, живописи и пению – наукам, без которых в то время устроиться в жизни – то есть удачно выйти замуж – было невозможно. Ванессе, у которой рано определились способности к живописи, с учителем, мистером Эбенезером Куком, повезло. Вирджинии же повезло меньше: учительница пения оказалась надутой религиозной ханжой вроде мисс Килман из «Миссис Дэллоуэй», и Вирджиния однажды поступила с ней довольно бесцеремонно: на невинный вопрос мисс Миллз, что такое Рождество, семилетняя девочка, давясь от смеха, заявила, что на Рождество празднуют распятие Христа...

В доме сэра Лесли ежедневно, как по нотам, разыгрывалась викторианская комедия нравов, которую Вирджиния

много позже назовет «школой викторианских гостиных и чайных церемоний». Воскресным утром всей семьей чистили столовое серебро. И отправлялись гулять в Кенсингтонский сад. В восьмидесятые годы позапрошлого века Кенсингтон, где жили Вулфы, мало напоминал центр города: среди живописных зеленых холмов и длинных рядов посаженных еще в хviii веке деревьев петляли тенистые гравийные дорожки, где на каждом шагу встречались знакомые; атмосфера здесь царила по-сельски домашняя, как теперь бы сказали, «комфортная»: все всех знали – только успевай раскланиваться. У входа в парк, куда детям приходилось, чтобы не попасть под омнибус или под пустившуюся вскачь лошадь, бежать взапуски, неизменно стояла невзрачного вида старуха, продававшая – словно в компенсацию за только что грозившую опасность – вожделенные красные и лиловые воздушные шары; старуху и шары Вирджиния и Ванесса запомнили на всю жизнь.

В будни, в первую половину дня, у младшего поколения Стивенсов жизнь была несхожая – как теперь говорят, «по интересам».

«Мы были освобождены от гнета викторианского общества», – напишет Вирджиния в «Зарисовке прошлого»², несколько свою свободу от викторианского

² Очерк «Зарисовка прошлого» здесь и далее цитируется в переводе Н.И.Рейнгольд. Вулф В. День и ночь / пер. с англ. Н.И.Рейнгольд. М.: Ладомир: Наука, 2014. С. 389–412.

общества преувеличив.

Джордж, Джеральд, Тоби и Адриан, как и полагалось подросткам их социального положения, учились в закрытых частных школах: в Итоне (Джордж), в Клифтон-колледже (Тоби), в Вестминстере (Адриан), и большую часть времени дома отсутствовали. Старшая из сестер, Ванесса, натянув синюю блузу, отправлялась на красном автобусе или на велосипеде в художественную школу мистера Коупа, где готовилась поступать в Академию художеств. Или же рисовала с натуры под присмотром мэтров живописи Принсепа, Улеса либо даже самого Джона Сингера Сарджента. А по возвращении обрабатывала карандашные рисунки фиксатором. Вирджиния же читала «Республику» Платона, или разбирала партию греческого хора, или учила языки, а в перерывах между штудиями прогуливалась в Кенсингтонском саду под далекий перезвон колоколов церкви Святой Маргариты.

Но с приходом вечера жизнь начиналась общая – строго регламентированная, светская, публичная. В половине восьмого следовало тщательно причесаться перед чиппендейловским зеркалом, а ровно в восемь – явиться в гостиную в вечернем платье с открытыми плечами и шеей – чисто вымытой. Одеваться следовало со вкусом, но скромно – не дай бог «перенарядиться». Светское общение сыновей и дочерей сэра Лесли сводилось в основном к тому, чтобы подавать гостям булочки на тарелках и спрашивать, что гости желают к чаю, – сливки, или сахар, или и то и другое. А также, что бы-

ло куда сложнеей (Вирджинии, во всяком случае), – улыбаться и помалкивать; вести светскую беседу, тем более высказывать *свое* мнение, категорически запрещалось. Вирджиния, конечно же, не раз это правило нарушала; однажды, к всеобщему ужасу, небрежным тоном поинтересовалась у сановитой леди Карнаврон, читала ли та Платона.

Руководил светским воспитанием братьев и сестер сводный братец Джордж Дакуорт. Comme il faut с детства, он заботился о реноме семьи («как бы чего не сказали люди») и умело сочетал строгость, даже вьедливость наставника хороших манер с не по-родственному пылким увлечением красотками Ванессой и Вирджинией, которым делал подарки, водил с собой на вечеринки, всячески развлекал и с которыми не раз позволял себе распускать руки. Обучаться у двадцатисемилетнего красавца-брата «науке страсти нежной» сёстры, однако, упорно отказывались.

С возрастом юных Стивенсов ожидали приемы и пикники, а также посещения Национальной галереи, выезды на утренние концерты в Куинз-холл, в театр и в оперу вместе с Джорджем; домашний *arbiter elegantiae* перед выходом из дома с пристрастием инспектировал туалеты сводных братьев и сестер. А перед вагнеровским «Кольцом Нибелунгов» предстоял обед в «Савойе», про который Джордж твердил, что там будут «нужные люди»; они-то как раз интересовали Вирджинию меньше всего.

«Запомнились слепящие огни, волнение и холод;

я поднимаюсь по лестнице, свет бьет в глаза; мираж; восторг; паралич».

Больше же всего из этого времени запомнились посещения Музея восковых фигур мадам Тюссо, комические оперы Гилберта и Салливана в «Савойе» (но не в гостинице на Стрэнде, а в одноименном театре) и, конечно же, парад в честь Бриллиантового юбилея королевы Виктории, который юные Стивены наблюдали из окна больницы Святого Фомы.

Предстояло и еще одно, куда более ответственное испытание, – сезон балов. Длинные атласные вечерние платья, белые перчатки, белые бальные туфли, на шее нитка жемчуга или аметистовое кольцо, под ногами – на крыльце у входа в особняк, куда они приглашены танцевать, – расстелен огромный красный ковер, а на верхней ступеньке, согласно незыблемым правилам викторианского этикета, встречает гостей разряженная хозяйка дома. Бал никак нельзя было считать развлечением: то был экзамен на зрелость; от поведения на балу зависела твоя женская судьба: ждет тебя в жизни успех или провал. Танцевать же Ванесса, тем более Вирджиния, так толком и не выучились, уроки танцев впрок не пошли. И искусством обхождения и светской беседы, несмотря на все старания Джорджа, не овладели тоже. А потому сестры стояли в стороне, бессловесные и пунцовые от напряжения, и с нетерпением ждали, когда же кончится эта пытка и можно будет, наконец, поехать домой. И сестра за дневник:

«Мы часто говорим друг другу, что мы –

неудачницы. В самом деле: мы не в состоянии блистать в обществе. Как этого добиться, я не знаю. Мы никого не интересуем, забьемся в угол и сидим, точно немые в ожидании похорон. А впрочем, в этой жизни есть вещи и поважнее...»

«Вещью поважнее» был дом сэра Лесли. Дом, казавшийся тесным из-за хаотичного семейного быта – «гротескного и комичного» (напишет в 1921 году в очерке «Старый Блумсбери» Вирджиния Вулф³). Из-за «всей той взбудораженной, накаленной атмосферы, которую создавала вокруг себя взъерошенная, любопытствующая молодежь». И не только молодежь.

«В моей семье, – говорится в дневнике Вирджинии (запись от 12 января 1915 года), – любая, самая ничтожная перемена в жизни вызывала всеобщую тревогу, влекла за собой бесконечные споры, обсуждения... Дом был заполнен горячими эмоциями молодежи – бунтовавшей, впадавшей в отчаяние, переживавшей головокружительное счастье и невероятную скуку на приемах знаменитостей и разных зануд...»

Заполнен эмоциями, книгами, людьми. Одних домочадцев за стол садилось не меньше двадцати человек. А после еды и стар и млад расходились по комнатам. У Ванессы была небольшая комнатка – за гостиной, окнами в сад, – где сто-

³ Очерк «Старый Блумсбери» здесь и далее цитируется в переводе Н.И.Рейнгольд. Вулф В. День и ночь / пер. с англ. Н.И.Рейнгольд. М.: Ладомир: Наука, 2014. С. 412–423.

ял ее мольберт. Когда она писала, Вирджиния имела обыкновение читать ей вслух Теккерея или Джордж Элиот; или же, подражая старшей сестре, рисовала сама – копировала Блейка или Данте Габриэля Россетти. Комната Вирджинии находилась на предпоследнем этаже: белые стены и голубые занавески, зеркало, умывальник, высокий письменный стол и узкая «девичья» кровать под окном. Кабинет же сэра Лесли располагался на самом верхнем этаже. Три высоких окна с видом на Кенсингтон, в воздухе стоит густой, сладковатый запах табака, по стенам высятся полки с книгами, книги то и дело с грохотом падают на пол, в углу собрана коллекция альпенштоков, а за массивным письменным столом, в кресле-качалке, с феской на голове и с вечным стальным пером в руке восседает, вальяжно откинувшись на спинку, хозяин дома.

Гостей бывало еще больше, чем домочадцев, гостей здесь любили, дом на Гайд-парк-гейт был открытым и чрезвычайно гостеприимным. Чуть ли не ежедневно приходили многочисленные коллеги и друзья сэра Лесли – видные историки, издатели, философы. Являлись «в силе и славе своей» известные политики, юристы, живые классики викторианской литературы и живописи: Роберт Луис Стивенсон, Томас Гарди, властитель «искусствоведческих дум», автор пятитомника «Современные художники» Джон Рёскин. Прозаик, автор нашумевшего «Эгоиста» Джордж Мередит, запомнившийся Вирджинии своим раскатистым голосом и тем, как залихват-

ски кидает он в чай кружочки лимона. Поэт и литературный критик Джон Эддингтон Саймондс с нервным белым лицом и галстуком в виде шнурка с двумя желтыми плюшевыми шариками. Художники Эдвард Коли Бёрн-Джонс и Джордж Фредерик Уоттс, с аппетитом поевавший взбитые сливки. Бывали в доме и американцы: уже прославившийся прозаик Генри Джеймс, променявший Новую Англию на старую. У Вирджинии осталась в памяти его манера говорить: «качающаяся, уточняющая, жужжащая, мурлыкающая» – она эту его манеру со временем высмеет. А также уже упоминавшийся поэт-романтик, близкий друг слывшего американофилом сэра Лесли и крестный отец Вирджинии – Лоуэлл; у него, вспоминала Вирджиния, был длинный вязаный кошелек сшитыми колечками, через которые проходил шестипенсовик. Между крестным отцом и крестной дочерью установились теплые, дружеские отношения. Первый образец обширного эпистолярного наследия будущей писательницы адресован ему:

«мой дорогой крестный отец, – пишет Лоуэллу шестилетняя Вирджиния, пренебрегая прописными буквами в начале предложения и знаками препинания, – побывал ли ты в Адирондакских горах видел ли диких зверей и птиц в гнездах ты плохой что не пришел сегодня до свидания любящая тебя вирджиния».

Перебывал на Гайд-парк-гейт и целый сонм родственников Джулии; у ее матери было шесть сестер, урожденных

Пэттл, из династии английских колониальных чиновников в Индии со связями в артистических и литературных кругах Лондона.

Мария – четвертая из сестер Пэттл, бабка Вирджинии, – по устоявшейся семейной традиции вышла замуж за англо-индийца, процветающего врача из Калькутты Джексона. У своего индийского супруга миссис Джексон переняла любовь к медицине и повышенное внимание к своему шаткому здоровью, состоянием коего не уставала делиться с безотказной Джулией.

Одна из теток Джулии, Маргарет Кэмерон, уже в преклонном возрасте стала известным фотографом, – увлечение по тем временам несколько экзотическое. Получив в подарок фотоаппарат (или камеру, как ее тогда называли), фотографировала – прямо как сегодняшние туристы – всё и всех подряд. От слуг, которых с этой целью заставляла наряжаться в средневековые кафтаны и доспехи, до Теннисона и Гладстона, которых ставила под живописно раскидистое дерево, и – гласит семейная легенда – однажды, напрочь про них забыв, заставила великих людей не один час терпеливо дожидаться спасительной вспышки. Спустя много лет Вирджиния, уже известная писательница, сочинит о тетке Кэмерон единственную свою пьесу, «Фрешуотер», где роль Маргарет сыграет в домашнем спектакле Ванесса, а ее супруга – муж Вирджинии Леонард Вулф.

Другая тетка, Сара, впоследствии миссис Тоби Принсеп,

владела некогда знаменитым особняком в Уэст-Энде Литтл-Холланд-хаус, где не раз собирались сливки викторианского общества: политики Гладстон и Дизраэли, писатели Теннисон и Теккерей, художники-прерафаэлиты.

И было что писать: в девичестве Джулия, самая любимая из трех дочерей Марии, была очень хорошенькой. Ее ангелоподобный лик запечатлевали Холман Хант и Бёрн-Джонс, не раз фиксировала на своих дагеротипах тетка Маргарет и воспевал после ее смерти безутешный сэр Лесли Стивен, говоривший про жену, что она так хороша, что сама этого не осознаёт.

Что же до необъятной библиотеки сэра Лесли – собрания книг по решительно всем областям знания, от античных комедиографов до современных политических трактатов, – то она была «отдана на откуп» сестрам, Вирджинии в первую очередь. Сёстры, как водилось в «домостроевские» викторианские времена, образование получали, в отличие от братьев, родных и сводных, домашнее; Вирджиния, которая всю жизнь считала себя «недоученной», называла его «ненастоящим»; Оксфорд и Кембридж был для сестер Стивен закрыт.

Вирджиния была вынуждена обучать себя сама. Она росла среди бескончаемых разговоров о литературе, живописи, музыке. И, пока старшая сестра под присмотром двоюродного дяди Вэла Принсепа рисовала с натуры, – читала запоем, причем, как правило, несколько книг одновременно.

«Как и многие неученые англичанки, я люблю читать

всё подряд», – напишет она спустя много лет в эссе «Своя комната»⁴.

Были у одиннадцатилетней Вирджинии, однако, и свои фавориты: любила романы Вальтера Скотта и Джейн Остин (со временем напишет, и не раз, об обоих), дневники романистки и мемуаристки xviii века Фанни Бёрни, эссе Сэмюэля Джонсона, у которого – как критик – многому научилась. Увлекалась Диккенсом («Лавка древностей», «Повесть о двух городах»), Мильтоном, Шекспиром, Готорном, «Воспоминаниями» и «Французской революцией» Карлейля. А также совсем не детским автором, английским философом Джоном Стюартом Миллем, который привлек будущую феминистку своим трактатом «Подчинение женщин».

К слову сказать, феминистская тема всегда интересовала автора «Своей комнаты»: говоря о «недетском» чтении девочки-подростка, нельзя не назвать и трехтомник «Три поколения английских женщин»; проштудировав его, пятнадцатилетняя Вирджиния так вдохновилась этой темой, что взялась за перо сама: попробовала написать «Историю женщин». «Историю женщин» не написала, но неутешительный и вполне оправданный вывод сделала: женщина в викторианском обществе – человек второго сорта, ей всё запрещается: учиться в колледже нельзя, выражать свои чувства нельзя, говорить на «заповедные темы» (коих большинство) тоже нельзя. Так считал сэр Лесли, так считал образцовый викто-

⁴ Эссе «Своя комната» здесь и далее цитируется в переводе Н.И.Рейнгольд.

рианец Джордж, так считал покладистый, льнувший к авторитетам и не слишком задумывающийся о жизни Тоби, игравший в семье Стивенсов роль эдакого Николая Ростова, не слишком далекого, простодушного, открытого – и всеми любимого.

С отцом Вирджиния занималась немецким, с помощью авторитетного и по сей день не устаревшего словаря древнегреческого языка Лидделла и Скотта штудировала древних: Гомера, трагедии Эсхила и Еврипида, Ксенофонта, Платона. Древним языкам жадную до знаний, развитую не по годам девочку учил сначала переводчик Эсхила Джордж Уорр, потом Клара Пейтер (сестра знаменитого эстета Уолтера Пейтера, автора «Исследований по истории Ренессанса» и «Марио Эпикурейца») и, наконец, ставшая ее близкой подругой выпускница Кембриджа Джанет Кейс.

Имелось у нее и хобби (чем только юные девицы Стивен не занимались!) – переплетное дело; им юная Вирджиния одно время очень увлекалась, словно знала наперед, что в жизни оно ей пригодится. А еще – это в девять-то лет! – Вирджиния вела дневник, который назвала «Вдохновенный подмастерье» (“A Passionate Apprentice”), а также в течение нескольких лет выпускала на пару со старшим братом еженедельную домашнюю газету «Новости Гайд-парк-гейт», для которой вместе с другими детьми придумывала забавные рубрики вроде «Простолюдин обрабатывает землю» или «Опыты отца семейства». Теперь, когда читаешь эту газе-

ту, многие тексты Вирджинии воспринимаются своеобразной пробой пера, искусной стилизацией под журналистские опусы или расхожие, чувствительные романы; в ее возрасте девочки любят играть в переодевания – Вирджиния «переодевалась» в журналистов и романистов. Вот, например, как она – напыщенно, велеречиво, в духе душещипательного романа – описывает свое возвращение домой к брату после прогулки:

«Как же сладостно было вновь узреть его! Сидит, опустив голову, а глаза сверкают от радости! Сколь же выразительны наши глаза!»

Вот описание того, как младшие Стивенсы отпустили нагадившую на ковер бродячую собаку:

«И мальчик спустил ее с поводка на все четыре стороны. И она исчезла, словно капля воды, пустившаяся на поиски такой же, как она, капли в безбрежном океане. И больше о ней, об этой дворняжке, ничего и никогда слышно не было».

А вот пародия на светскую хронику:

«Мисс Милисент Воган (кузина Вирджинии. – А.Л.) удостоила семью Стивенсов своим присутствием. Как и полагается примерной родственнице, мисс Воган только что побывала в Канаде, где гостила у своей давно уже проживающей там сестры. Мы очень надеемся, что она, столь озадаченная матримониальными планами, сумела подавить в себе

приступ зависти, находясь в доме сестры, столь удачно вышедшей замуж. Но мы отвлеклись от нашей темы, как это не раз случается со старыми людьми. Мисс Воган прибыла к нам в понедельник и в доме 22 по Гайд-парк-гейт находится по сей день».

И еще одна – на любовный роман в письмах:

«Вы обманули меня самым бессовестным образом», – пишет мистер Джон Харли мисс Кларе Димсдейл. На что та резонно ему отвечает: «Поскольку я никогда не хранила Ваших писем, забрать их у меня Вы не можете. А потому вместо писем возвращаю Вам почтовые марки с конвертов»».

Для автора (авторов?) «Гайд-парк-гейт-ньюс» не было заповедных тем. Вирджиния издевалась не только над литературными стилями, но и над своими ближними. Над родителями и родительскими чувствами:

«Как, должно быть, грустно матери лицезреть, что ее сыновья год от года становятся все старше и старше и, наконец, уходят из отчего дома, оставляя за стеной сладостный мир детства».

Или:

«Я люблю Вас с той пылкой страстью, с коей отец мой взирает на ростбиф. Вместе с тем отец любит ростбиф за его вкусовые качества, тогда как Вас я люблю за качества Ваши личные».

Над родительскими знакомыми:

«Прибыли сэр Фред Поллок и его дражайшая половина. Не станем, однако ж, говорить о них слишком пространно, поскольку пара эта не представляет ни малейшего интереса».

И даже над собой:

«За ужином мисс Вирджиния Вулф ни в чем себе не отказывала. Но, по всей вероятности, сама мисс Вирджиния была на этот счет другого мнения, ибо, не успев вернуться домой, съела еще один кусок торта».

Летом, когда семья переезжала из Лондона в Корнуолл – в Талланд-хаус с видом на залив Сент-Айвз, в дом, снятый сэром Лесли в 1881 году, незадолго до рождения Вирджинии и начала своей многолетней работы над «Словарем национальной биографии», – интеллектуальные увлечения сменялись физическими. И не только у детей, но и у взрослых: сэр Лесли, например, с раннего утра отправлялся в длинные пешие прогулки, проделывая порой по тридцать миль в день. (Во время одной из таких прогулок он, собственно, на Талланд-хаус и набрел. Набрел и полюбил этот дом с первого взгляда.)

«Детям здесь раздолье, – с энтузиазмом писал он жене, которая в это время была беременна Вирджинией. – Выбегут из дома – и сразу же окажутся на чудесном песчаном пляже. Будут дышать свежим воздухом и наслаждаться тишиной. Здесь так ясно, что берег в тридцати милях отсюда виден столь же

отчетливо, как мы видим заднюю часть Куинз-гейт из окна нашей гостиной».

На морском берегу, сэср Лесли прав, детям было полное раздолье; они, можно сказать, расцветали после зимних бдений над книгами и учебниками. Надоедала, приедалась, впрочем, не только учеба. Талланд-хаус был весь пронизан светом, чего никак не скажешь о городском жилище Стивенсов: узкий шестиэтажный дом на Гайд-парк-гейт был мрачноват, не спасали даже обитая красным бархатом тяжелая мебель, выкрашенные малиновой краской двери гостиной, бледно-голубые стены с портретами кисти Уоттса, по которым пробегали тени от свечей – электричества в доме не было.

Разве можно было сравнить летнее вольное озорство в Талланд-хаусе (где Стивенсы прожили без малого пятнадцать лет, пока дети не выросли и перед их домом не возвели заслонявшую море сельскую гостиницу) с навевавшими скуку ежедневными чинными прогулками в Кенсингтонском саду? Или – тем более – с поездками «на поклон» к жившей в Брайтоне бабушке миссис Джексон? Не говоря уж о наскучивших уроках музыки:

«Этот день, 11 мая 1892 года, – читаем в очередном номере «Новостей Гайд-парк-гейт», – ознаменовался для младшего поколения Стивенсов двумя вещами. Во-первых, мороженым. А, во-вторых, сообщением о том, что мадам Мао, которая, к

сведению наших читателей, обучает юных Стивенов музыкальному искусству, будет приезжать дважды в неделю!!! Этот удар, впрочем, был смягчен следующим обстоятельством: в этом году Стивены едут в Сент-Айвз намного раньше обычного. Что вселяет вселенскую радость в души молодых людей, ибо Сент-Айвз они обожают и получают неизменное наслаждение от пребывания там».

Заметим в скобках, что ничуть не меньшее наслаждение от Сент-Айвз испытает спустя четверть века еще один представитель английского модернизма – Дэвид Герберт Лоуренс, живший с марта 1916 по октябрь 1917 года в Корнуолле, в нескольких милях от Сент-Айвз и назвавший эти места «землей обетованной» и «новыми небесами».

Весь год дети, и не только младшие, ждали той минуты, когда от платформы Паддингтонского вокзала в 10:15 утра отойдет корнуоллский экспресс «Паддингтон – Бристоль», и можно будет, смакуя шоколадку «Фрай» и листая любимый журнал «Лакомства», раздумывать о предстоящей жизни «на воле». Даже «книжный червь» Вирджиния – читаем в «Заметках о детстве Вирджинии», воспоминаниях старшей сестры о младшей, – отдавала в Сент-Айвз должное плаванью, катанию на лодке, возне с братом Тоби на лужайке перед домом и крикету, в котором, говорят, весьма преуспела. Вместе с другими детьми увлеченно ловила бабочек, устраивала пышные похороны птицам и полевым мышам, играла на бильярде, фотографировала, ловила рыбу, резвилась

с большим косматым скайтерьером, на день рождения Тоби запускала фейерверки. И по вечерам, когда взрослые ужинали, вместе с братьями и сестрами, чья комната находилась аккуратно над кухней, опускала вниз на веревке пустую корзину – в тщетной надежде, что кухарка положит в нее что-то из недоеденного взрослыми. Лучшим способом избавиться от вечно голодных детей было веревку отрезать, к чему расторопная кухарка иной раз прибегала, вызывая громкий смех в столовой и возмущенные крики наверху в детской.

А еще любила слушать волны:

«Детская в Сент-Айвз, кровать за желтой ишторой – ты лежишь, то ли спишь, то ли бодрствуешь – и слышишь, как волны набатом – раз-два, раз-два, а потом брызги дробью вдоль берега, и потом снова удар – раз-два, раз-два. Слышно, как ветер надувает желтую иштору, и та колышется, таща за собой по полу небольшое грузило в виде желудя. Невообразимый, чистейший восторг: лежать, слушать волну, видеть свет, знать про себя, что это почти невероятно – быть здесь»⁵.

Или, перед сном, – рассказывать Нессе, сидевшей в обнимку с мартышкой Жако, выдуманные истории про семейство Дилков, соседей Стивенов по Гайд-парк-гейт, и про их хитроумную гувернантку мисс Розальбу.

Или – пускать кораблики в пруду. Вирджиния потом вспо-

⁵ «Зарисовка прошлого».

минала, каким значительным событием стало для нее то, что ее корнуоллский парусник, благополучно доплыв до середины пруда, внезапно, у нее на глазах, перевернулся и камнем пошел под воду... Больше же всего ей нравилось наблюдать за проходящими на горизонте кораблями и светившимся вдалеке маяком Годреви.

«Воскресным утром, – читаем в «Новостях Гайд-парк-гейт» от 12 сентября 1892 года, – мистер Хилари Хант и мистер Бейзил Смит пришли в Талланд-хаус и позвали мистера Тоби и мисс Вирджинию Стивен сопровождать их на маяк, ибо лодочник Фримен сказал, что дует отличный попутный ветер. Что же до мистера Адриана Стивена, то он был крайне разочарован тем, что ехать ему не разрешили».

А спустя тридцать пять лет про тот же маяк Годреви Вирджиния Вулф напишет совсем иначе:

«Маяк тогда был серебристой смутной башней с желтым глазом, который внезапно и нежно открывался по вечерам»⁶.

Тогда? Когда еще была жива миссис Рэмзи – свою героиню Вирджиния Вулф писала с покойной матери.

⁶ Роман «На маяк» здесь и далее цитируется в переводе Е.Суриц.

Глава вторая

Гайд-парк-гейт 22: Горести

1

Джулия Дакуорт-Стивен, как и миссис Рэмзи, ушла из жизни рано, почти на десять лет раньше мужа, и ее смерть знаменовала собой конец светлой, безмятежной полосы в жизни Стивенов. Джулия была центром семьи (и вселенной), ее все – и муж, и дети, и прислуга – любили, от нее все зависели, на нее все полагались. Ради «терпимости и любви в доме, ради того, чтобы все в доме ощущали себя в безопасности»⁷, Джулия, как и мать Клариссы Дэллоуэй из самого известного романа Вирджинии, была готова на всё. И ее смерть нанесла Стивенам тяжкий удар – главе семьи в первую очередь.

С терпимостью и любовью в доме Стивенов было покончено. Сэр Лесли, как это часто бывает с далекими от жизни, витающими в эмпиреях мудрецами, «туманно-эфирными символистами»⁸, был выбит из колеи, потерял опору существования – еще бы: Джулия жила главным образом ради

⁷ Роман «Миссис Дэллоуэй» здесь и далее цитируется в переводе Е.Суриц.

⁸ Так называл подобных ученых мужей герой «Улисса» Леопольд Блум.

своего мужа. Лишился, если так можно выразиться, доверия к жизни; после смерти жены писал в рассчитанной на своих детей «Книге памяти», в буквальном переводе – в «Мавзолейной книге» (“Mausoleum Book”), что «инстинктивному знанию жены можно было доверять гораздо больше, чем моим рационалистическим рассуждениям».

Рационалистом, впрочем, сэр Стивен был разве что на бумаге, но никак не в жизни. С ним, человеком вспыльчивым, деспотичным, требовательным, и в то же время нерешительным и во всем сомневающимся, всегда было непросто. Он и в молодые-то годы был нервным, замкнутым, чувствительным, «маменькиным сынком» (не в пример своему старшему брату, судье и журналисту, баронету Джеймсу Фитцджереймсу, прозванному в Кембридже «британским львом» – за бурный нрав и готовность в пылу спора пустить в ход кулаки). Он и при жизни заботливой жены, случалось, перетрудившись, терял вдруг сознание; а также страдал бессонницей, и, когда наконец засыпал, внезапно пробуждался от «приступов ужаса», как он именовал свои ночные кошмары.

Теперь же, в свои шестьдесят три года, сэр Лесли в одночасье превратился в капризного, взбалмошного, всем и всеми недовольного, дряхлого, глухого старика. Очень напоминающего «сварливого, шаркающего старикана» Джастина Парри, отца Клариссы Дэллоуэй. Трудоголик от природы, он почти совсем перестает работать и к себе в кабинет поднимается теперь крайне редко. При этом, верный давним домаш-

ним обычаям, читает, хрипя и задыхаясь, уже выросшим детям вслух. Вслух и с выражением. Читает – в который уж раз – своего любимого Мильтона: «Оду в день Рождества Христова». И, когда ему кажется, что дочери слушают недостаточно внимательно, впадает в неистовую злобу и чтение прерывает.

Читает вслух и пишет письма – чаще всего старшему сыну в Кембридж. От Тоби в это время он очень зависит – и психологически, и эмоционально. Вот последние несколько фраз одной из таких записок, где старик, по обыкновению, жалуется сыну на жизнь и клянется в неизменной отеческой любви:

«Пиши мне завтра же, дорогой... Не могу передать, как я дорожусь тобой, как тревожусь за тебя, почти так же, как твоя незабвенная мать... На прошлой неделе от тебя не было ни строчки! Прощай же, твой любящий, но, увы, слабый, очень слабый отец».

Часами сидит молча, погруженный в тоску, или же скрипит от ярости зубами, стенает, рыдает, зовет смерть. Его стенания раздаются по всему дому; однажды вечером домочадцы услышали, как старик, с трудом взбираясь по лестнице к себе в спальню, громко сетует – нет, не о потере жены, своем одиночестве и болезнях, а о том, что у него перестала расти борода: «Ну почему, почему у меня не растет борода?!» Всем недоволен, на всё жалуется и всего боится. Боится – по крайней мере, на словах – нищеты, ему и его детям, конеч-

но же, не грозившей: после смерти он оставит 15000 фунтов – сумма по тем временам огромная. Беспокоится по любому поводу, беспокоится и экономит. (Как тут не вспомнить Плюшкина: «...стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее».)

И считает – и не без оснований, – что исписался. Что его все забыли. Те же немногие, кто его еще помнил, старались навещать сэра Лесли пореже: ему ничего не стоило, к примеру, в присутствии посетителя задаться не слишком вежливым вопросом: «И когда же он, наконец, уйдет?» или же свистящим шепотом заявить напрямую излишне разговорчивому собеседнику: «Какой же вы все-таки зануда, голубчик!»

Требуя от домочадцев покорности, вымещает на них свое раздражение, особенно на неполноценной Лауре, с которой, когда она ненадолго возвращалась из приюта домой, бывал особенно груб и даже давал волю рукам.

Вирджиния вспоминала, как отец говорил Ванессе: «Если я грущу, и ты должна грустить; если сержусь, тебе следует рыдать».

Устраивает скандалы, изводит детей истериками и жалобами на жизнь, на свою незавидную судьбу «несчастливого, обездоленного вдовца». И дочерей изводит в первую очередь; с ними, как типичному викторианцу и полагается, он не церемонится. Мужчины – другое дело: с сыновьями, а также с немногими оставшимися друзьями и знакомыми он по-прежнему держится в рамках, неизменно вежлив и кро-

ток.

Больше же всего доставалось от него Стелле. Она безропотно заняла в семье место покойной матери, взвалила на себя тяжкий груз забот по дому, по уходу за сводными братьями и сестрами, прежде всего за Вирджинией и Адрианом, которого надо было утром возить в школу, а днем забирать домой. К строптивому, обессилившему отчиму относилась как к родному отцу. Даже выйдя замуж за подающего надежды юриста и будущего политика Джона Уоллера Хиллза – которому, к слову, дважды, прежде чем дать согласие, отказывала, не желая покидать осиротевших Стивенов, – она поселилась с мужем по соседству и продолжала заботиться о сэре Лесли. Утешала его, все вечера просиживала с ним в кабинете, прилежно выслушивала его угрызения совести («Она умерла из-за меня!»), ламентации («Мое счастье теперь мало кого интересует» – прозрачный намек на то, что Стелла поспешила выйти замуж), обустривала его быт. По первому сигналу бросалась к нему помочь со слуховой трубкой, подставляла стул, когда старик садился к столу, помогала спуститься с лестницы, подсаживала в наемный экипаж, поддерживала разговор, расспрашивала о здоровье, которое большей частью было «ни к черту». И, пережив мать всего на два года, в июле 1897-го, спустя три месяца после свадьбы, попала в больницу с перитонитом и умерла беременной на операционном столе, чем, понятно, еще больше осложнила ситуацию в семье.

«Вскоре после смерти Стеллы, – вспоминает Вирджиния Вулф в «Зарисовке прошлого», – наша жизнь превратилась в борьбу за собственное жизненное пространство. Мы все время что-то отвоевывали: свободу от чужого вмешательства, открытое обсуждение вопросов, равные права».

Уточним: под «чужим вмешательством» имелось в виду, конечно же, вмешательство сэра Лесли.

«Главным камнем преткновения мы считали отца».

Обязанности Стеллы перешли теперь к Ванессе. И их отношения с отцом в оставшиеся семь лет его жизни (сэр Лесли умер от рака в 1904 году) с каждым днем становились всё хуже, напряженнее. В отличие от покойной Стеллы – мягкой, податливой, кроткой, – Ванесса, девушка с сильным характером, к тому же упрямая и злопамятная, не шла на поводу у самодура-отца, по любому поводу впадавшего в тревогу, которая, как правило, сопровождалась неконтролируемыми вспышками гнева, даже бешенства. В этих вспышках, вспоминала Вирджиния, «прорывалась какая-то зловещая, слепая, животная, первобытная сила».

«Он не ведал, что творил, – продолжает она. – Объяснения не помогали. Он страдал. Страдали мы. О взаимопонимании не было и речи. Ванесса держала глухую оборону. Он бесился... Главная буря обычно разражалась в среду. В этот день отцу показывали бухгалтерскую книгу, где были отмечены семейные

расходы за неделю. Если они превышали одиннадцать фунтов, лени превращался в пытку. Как сейчас помню, кладут перед ним отчет: стоит гробовая тишина, он надевает очки, пробегает глазами цифры – и как стукнет кулаком по столу! Как зарычит! Лицо багровое, вена на виске дергается. Бьет себя в грудь, ревет: “Вы меня разорили!” В общем, целый спектакль, рассчитанный на то, что зрители проникнутся жалостью к несчастному, отчаявшемуся родителю. Он разорен, он при смерти... Ванесса и Софи довели его своей бездумной расточительностью. “Стоишь как истукан! Разве тебе меня не жалко? Хоть бы слово отцу сказала!”, и всё в том же духе. Ванесса стоит, не проронив ни слова. Как он ее только не пугает – в Ниагару бросится, и прочее. Она все молчит. Тогда в ход идет другая тактика. Тяжело вздохнув, он тянется дрожащей рукой к перу, берет ручку трясущимися пальцами и выписывает чек. Не глядя, усталым жестом бросает его Ванессе. Гроссбукх и ручку уносят под аккомпанемент стенаний и вздохов. Он опускается в кресло и замирает, опустив голову на грудь. Спустя какое-то время замечает книгу, поднимает глаза и говорит жалобно: “Джиния, ты не занята? Ты мне не считаешь?” Внутри у меня всё кипит, а сказать ничего не могу – в жизни не испытывала подобной фрустрации»⁹.

«Джиния» не скрывает своего раздражения, «фрустра-

⁹ «Зарисовка прошлого».

ции», как она выражается. Она убеждена, что отец ведет себя непростительно.

«Мы были ему не детьми, а внуками, – напишет она в автобиографической книге «Моменты бытия». – Даже сейчас, спустя столько лет, мне нечего сказать в его оправдание: он вел себя жестоко. С таким же успехом он мог бы пустить в дело кнут вместо слов».

И всё же Вирджиния, в отличие от сестры, которая решительно отказывалась играть двойную роль рабыни и ангела-утешительницы, до самого конца сохранила с отцом, насколько это было в ее силах, сносные отношения. Спустя годы она напишет, что испытывала к отцу «безмерную нежность и столь же неистовую ненависть». Жалела его, старалась не замечать его слабостей, утешала себя тем, что сэр Лесли и сам до конца не сознает, какой он деспот:

«Скажи ему кто-нибудь прямо: “Вы – тиран! Перестаньте третировать девушку!” – и он пришел бы в ужас».

Как и ее героиня Кларисса Дэллоуэй, была с отцом заботлива, прощала ему скандалы, постоянные нравоучения и бурные всплески эмоций. И служила своеобразным громом отводом в конфликтах между сэром Лесли и старшей сестрой, не раз вставала на сторону отца, да и тот, в свою очередь, испытывал к Джинии особую нежность.

«Джиния, – писал он в «Книге памяти», – по-прежнему добра ко мне, она – мое утешение... Умеет

быть совершенно обворожительной».

«Каждая женщина гордится отцом», – заметил Питер Уолш, друг детства и воздыхатель Клариссы Дэллоуэй. Вот и Вирджиния гордилась сэром Лесли. И как видным критиком, литературоведом, специалистом по хviii веку – это благодаря сэру Стивену, истинному просветителю, автору знаменитой книги «Английская литература и общество в хviii веке», она на всю жизнь полюбит эпоху Просвещения, Свифта, Дефо, доктора Джонсона, Стерна. И как редактором весьма авторитетного *Cornhill Magazine*, участвовавшим в становлении крупных писателей конца викторианской эры: Гарди, Стивенсона, Генри Джеймса. Она постоянно – и после смерти сэра Лесли тоже – перечитывает его книги, многое помнит чуть ли не наизусть. В эссе «Лесли Стивен: философ в домашней обстановке. Воспоминания дочери» отдает отцу должное, пишет, сколь многим, в первую очередь культурным кругозором, она отцу обязана.

«С удовольствием просматривала книгу отца про Поупа, – читаем в ее дневнике от 25 января 1915 года. – Очень остроумно, живо, ни одной мертвой фразы».

Есть, однако, и такая, гораздо более поздняя, дневниковая запись (Вирджинии Вулф в это время уже сорок шесть):

«День рождения отца. Сегодня ему бы исполнилось девяносто шесть... Но, слава богу, этого не произошло. Его жизнь перечеркнула бы мою. И что бы было? Я бы ничего не написала, не выпустила ни одной книги.

Непостижимо! Не проходило и дня, чтобы я не думала о нем и о матери...»

О матери – особенно. Вирджинии (когда Джулия умерла, ей было тринадцать) мать запомнилась красивой, серьезной, молчаливой, большей частью погруженной в себя и в свои хлопоты – весь дом на ней! Не оттого ли всегда усталой и печальной? Запомнилась внятным, громким голосом, быстрой, деловой походкой, пронзительным взглядом, непринужденными манерами. А еще заливистым, заразительным смехом (Вирджиния, говорят, смеялась точно так же) и привычкой нервно потирать руки.

«Образ матери преследовал меня как наваждение. Я слышала ее голос, она мерещилась мне, я мысленно разговаривала с ней между делом, представляя, как она поступила бы в том или другом случае. Словом, она была для меня одним из тех невидимых собеседников, присутствие которых в жизни каждого человека играет огромную роль»¹⁰.

¹⁰ «Зарисовка прошлого».

Ее смерть явилась для Вирджинии «величайшей катастрофой, какая только могла произойти». И привела к тяжелому нервному срыву – первому в череде многих. Эти приступы, или срывы, или, как их еще называют, психические кризисы, и сильные и слабые, протекали примерно одинаково. Сперва – учащенный пульс, так, словно Вирджиния чем-то очень взволнована, повышенная температура, сильное возбуждение. Потом – то, что она впоследствии назовет «эти ужасные голоса»: они будут долго и неустанно звучать у нее в ушах. Одновременно с этим – страх людей; он был и в детстве, о чем мы уже писали, теперь же Вирджиния испытывала ужас, встречаясь даже с хорошими знакомыми, густо краснела, если с ней заговаривали, не могла себя заставить посмотреть в глаза собеседнику. И страх улицы: она никак не может забыть, как на ее глазах под омнибус попала девочка на велосипеде, а ведь произошло это несколько лет назад. Эти страхи сменялись подавленностью и непреходящим, мучительным чувством вины.

После смерти отца – а умирал сэр Лесли долго и мучительно – приступ повторился, но был намного сильнее и длительнее, чем за девять лет до этого. Со смертью отца Вирджиния еще раз пережила смерть матери – и эти две невозполнимые потери соединились, слились в ее сознании, уси-

лили одна другую, заставили ее по многу раз мысленно возвращаться в свое безмятежно счастливое детство. Вот что она запишет в дневнике много позже, за два с половиной месяца до собственной смерти:

«До чего же красивыми были мои старики – я говорю о папе и маме, – до чего простыми, до чего чистыми, до чего прямыми. Я погрузилась в старые письма и отцовские воспоминания. Он любил ее: ох, каким же он был искренним и разумным. У него был утонченный и изысканный ум, ясный, здравый ум образованного человека. Их жизнь встает передо мной спокойной и веселой; никакой грязи, никаких омутов. И так человечно – с детьми, и легким притворством, и детскими песенками»¹¹.

Второй приступ начался, как и первый, с сильного возбуждения, сопровождавшегося и на этот раз страхами, чувством одиночества, мучительными головными болями, а также видениями и тяжкими, как и после смерти матери, угрызениями совести: отец умер из-за меня, это я явилась причиной его смерти. Я не жалела его, не говорила ему, как люблю его и высоко ставлю:

«Самое ужасное, – записывает она в дневнике, – что все эти годы я никогда не заботилась о нем так, как должно. Он часто бывал очень одинок, и я ни разу не пришла ему на помощь, а ведь могла бы. И от этого мне

¹¹ Вулф В. Дневник писательницы / пер. с англ. Л.И.Володарской. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. С. 395. Запись от 22 декабря 1940 г.

теперь так плохо. Останься он в живых, мы могли бы быть такими счастливыми. Но чего нет, того нет... У меня странное чувство, будто живу с ним каждый день».

Порой ей казалось, что она слышит его голос. Снилось, что отец жив, что, возвратившись домой с прогулки, она застаёт его дома, он такой же добрый, отзывчивый и умный, каким был в прошлом. Умный и блестящий. Ведь не всегда же сэр Лесли был вздорным, немощным стариком; было время, когда он смотрелся щеголем, выходил в свет, был общителен, даже галантен. Знал себе цену и в то же время мог в минуту откровенности признаться дочерям (вполне возможно, впрочем, слегка кокетничая), что «мозги у меня хорошие, крепкие, но второго класса», или что в истории английской мысли XIX века он если и останется, то разве что в сносках...

Вирджинии не помогали ни лекарства, ни «перемена мест»; весной 1904 года, через три месяца после смерти отца, Стивены всем семейством отправились в Италию, где Вирджиния раньше никогда не была. Но не помогла и Италия: Ванесса наслаждалась картинными галереями Венеции и Флоренции, а Вирджиния досадовала, что поехала, её всё раздражало:

«Слишком много немцев, вокруг гостиницы толются какие-то странные гномы в женском обличье, похожие на дьявольские существа, выступающие из мрака на свет. Да и гостиница чем-

то напоминает черную пещеру... Наше путешествие оказалось совсем не таким лучезарным, каким мы его себе представляли. Не было еще на свете нации более отвратительной, отвратительны и их железные дороги, и улицы, и магазины, и нищие, и их обычаи», — пишет она 25 апреля 1904 года.

«Виноваты», конечно же, были не немцы, которых «слишком много», и не «отвратительные» итальянцы, а тоска по дому, по умершему отцу.

«О моя Вайолет, — писала подруге из Италии Вирджиния. — Мне так не хватает отца!»

На обратном пути произошло ухудшение. По возвращении в Англию к Вирджинии были приставлены сразу три медсестры, и все три представлялись ей воплощением всеенского зла; Вирджиния яростно сопротивлялась всем попыткам ее накормить — как бы не отравили. Когда же ее почти силой отвезли за город, она однажды попыталась выброситься из окна; суицидальными намерениями сопровождались и все последующие приступы. Вирджиния целые дни проводит в постели, и ей мнится, вспоминала она впоследствии, будто птицы за окном щебечут хором по-древнегречески, а в кустах, среди азалий, спрятался и сквернословит король Эдуард vii.

Помимо медсестер, за больной ухаживала приятельница семейства Дакуортов, тридцатисемилетняя Вайолет Дикинсон — та самая Вайолет, кому Вирджиния писала из Ита-

лии слезные письма. Высокая, некрасивая, всегда неряшливо одетая, но добросердечная, веселая и энергичная старая дева, про которую шутили, что у нее много незаконнорожденных детей и один, но воображаемый муж. Сэр же Лесли шутил (когда еще шутил), что ее единственный недостаток – шесть футов роста.

Вайолет перевезла Вирджинию к себе в Бернам-Вуд – и больная, которая провела в доме Вайолет все лето, ни на минуту ее от себя не отпускала, вела с ней доверительные беседы, что никак не вязалось с присущими ей сдержанностью и замкнутостью. Знакомы, впрочем, они были давно, и Вирджиния еще тогда, в первые дни знакомства, отдала должное этой нелепой, громоподобно смеющейся «каланче», как ее за глаза называли:

«Несмотря на свой огромный рост и довольно комическую внешность, в ней было несомненное достоинство... Она болтала не переставая, хохотала и с юношеским пылом вступала в любой разговор. По достоинству оценить ее нрав удавалось далеко не сразу, лишь со временем становилось понятно, что у этой веселой, оживленной, суматошной женщины случаются минуты подавленности, что она умеет быть сдержанной, погруженной в себя. И вместе с тем она всегда готова посмеяться вместе с вами – и в этом ее обаяние...»

А вот еще один портрет Вайолет; они с Вирджинией дружат уже многие годы, а отношение к ней писательницы –

столь же ласково-ироничное, отношение же Вайолет к Вирджинии, часто болевшей и впоследствии, – столь же трогательно-заботливое:

«Невозможно не услышать ее джазовый распев, когда она, входя в холл, заговаривает с Лотти: “Где мое повидло? Как миссис Вулф? Ей лучше? Где она?” Одновременно она снимает пальто, отдает зонтик и не слушает ответов. Потом является ко мне в комнату, невероятно высокая, в сшитом на заказ костюме, с перламутровым дельфином на черной ленте... Погрузневшая, с выпуклыми голубыми глазами на белом лице и как будто отбитым кончиком носа. И с маленькими прелестными аристократическими ручками»¹².

Подобное «однополое» увлечение (причем женщинами, как правило, значительно старше себя) было у Вирджинии не первым. За несколько лет до этого она, тогда еще совершенно здоровая, неожиданно увлеклась Мэдж Саймондс, по мужу – Воган, дочерью уже упоминавшегося критика Джона Эддингтона Саймондса. Насколько сильным было это увлечение, страстное и при этом совершенно невинное, мы видим по ее письмам, а также по дневнику, которому, как и все шестнадцатилетние девицы, Вирджиния поверяла свои душевные радости и горести.

«Я была у себя наверху, и вдруг почувствовала, как

¹² «Дневник писательницы». С. 76–77. 16 февраля 1922 г.

*забилося у меня сердце, забилося, а потом замерло, я
изо всех сил стиснула ручку кувшина, который держала
в руке, и воскликнула: “Мэдж здесь, она сейчас у нас!”»*

В Мэдж, «любимом лягушонке», как Вирджиния ее называла, она нашла родственную душу: романтическая внешность, меланхолия, непосредственность, любовь к живописи и литературе; впоследствии она выведет подругу (придав ей кое-какие карикатурные черты, о чем еще будет сказано) в образе Салли Сетон в «Миссис Дэллоуэй».

Как и Салли – Клариссу, Мэдж подкупала Вирджинию смелостью и бесшабашностью. А еще – независимостью, совершенным безразличием к окружающим, «будто она что угодно может сказать, что угодно выкинуть». А еще – цельностью, благородством, «совершенно бескорыстным чувством, – напишет позже Вирджиния, – которое может связывать только женщин». «Только женщин»: нетрадиционные «однополое предпочтения», как видим, у нее уже намечаются.

Они переписывались, а когда встречались – болтали ночи напролет, говорили о жизни, о том, как они переделают мир. Мэдж поселила Вирджинию, поправлявшуюся после нервного срыва, у себя в доме при Гиггслуикской школе, где ее муж Уилл Воган был директором. Давала Вирджинии читать Уильяма Морриса, подруги собирались основать общество по борьбе с частной собственностью, бороться за права женщин. Однако время развело прообраз и литературный образ:

в отличие от своего прототипа, Салли Сетон с возрастом перебесится, выйдет замуж за богача, а не за скромного директора школы, и поселится в роскошном особняке под Манчестером, а не в скромной квартире при школе...

Выздоровление, хотя и не полное, наступило только осенью. Вирджинию еще мучили головные боли и кошмарные сны, но ей хотелось поскорей снова сесть за письменный стол, доказать всем, в том числе и самой себе, что «со мной всё в порядке, хотя уже тогда появился страх, что это не совсем так».

Да и мысли о покойном отце уже не были столь мучительны.

«О, моя Вайолет, – писала она в это время своей подруге и сиделке. – Если бы на свете был Бог, я бы поблагодарила Его за то, что он спас меня от страданий последних шести месяцев! Вы не можете вообразить, какую несказанную радость доставляет мне ныне каждая минута моей жизни, и я молюсь только о том, чтобы дожить до семидесяти. Очень надеюсь, что я вышла из болезни не такой самонадеянной и самолюбивой, какой была раньше, и что теперь чаяния других людей станут мне ближе и понятнее. Печаль, которую я испытываю сейчас в отношении отца, немного утихла, стала естественней, и жить теперь опять хочется, хотя жизнь и стала более тоскливой. Не могу передать Вам, чем Вы были для меня все это время, и если любовь хоть

чего-то стоит, любить Вас я буду всегда».

Оправившись после болезни, Вирджиния в январе 1905 года вернулась в Лондон. Но не в родительский дом на Гайд-парк-гейт 22, где Стивены больше не жили, а в Блумсбери, куда братья и сестра, отправив совсем еще слабую Вирджинию в Кембридж, к тетке, сестре отца Кэролин-Эмили, двумя месяцами раньше переехали – подальше от грустных воспоминаний. По возвращении Вирджиния чувствовала себя много лучше, хотя о полном выздоровлении еще не могло быть речи, что хорошо видно из письма Ванессы Мэдж Воган:

«Сейчас она вполне здорова, вот только спит неважно. Здорова и очень активна. Много гуляет, но уходит далеко и надолго ей нельзя. Утром, прежде чем сесть за письменный стол, она в течение получаса гуляет одна, а потом выходит еще раз, и тоже на полчаса, перед обедом. Во второй же половине дня одна она из дому не выходит, кто-то обязательно должен ее сопровождать... Спать она ложится очень рано, в остальном же ничем от нас не отличается».

Отличается, и очень. Слабое здоровье будет у нее всю жизнь, и страдать она будет не только от психических недугов, но и от телесных. Из хронологии жизни Вирджинии Вулф, дотошно составленной автором ее двухтомной биографии Квентином Беллом¹³ – «по совместительству» ее пле-

¹³ Bell, *Quentin*. Virginia Woolf. A Biography. London, The Hogarth Press, 1972

мянником, сыном Ванессы, – следует, что не проходило и месяца, чтобы Вирджиния не слегла с головной болью, или не жаловалась на сердце, или не заболела тяжелым гриппом. Или же просто очень плохо себя чувствовала – настолько, что врачи, боясь рецидива психического срыва, предписывали ей долгий постельный режим, и она месяцами не садилась за рукописи и даже за свой любимый дневник, компенсируя отсутствие работы запойным чтением.

...Переехали Стивенсы гораздо дальше, чем им казалось. Перебравшись в Блумсбери, они, по существу, переселились из викторианской эпохи в эдвардианскую, – Вирджиния осознает это много позже:

«Когда мы с Ванессой стояли перед отцом, а он метал в нас громы, и мы, дрожа от страха, понимали, как он смешон, – это значило одно: мы смотрели на него глазами людей, которые видят что-то иное на горизонте. Видят то, о чем сегодня знает каждый юноша и каждая девушка в свои шестнадцать или восемнадцать лет. Злая ирония состояла в том, что наши мечты о будущем находились в полном подчинении у прошлого... По натуре мы с Ванессой – искательницы, революционерки, реформаторы, а мир, в котором мы жили, отставал от века по меньшей мере лет на пятьдесят...»¹⁴

Осенью 1904 года у младшего поколения Стивенсов начи-

(1st volume); 1976 (2nd volume).

¹⁴ «Зарисовка прошлого».

налась новая, независимая, самостоятельная жизнь. Теперь их мечты не находились «в подчинении у прошлого». Они больше не отставали от века – они опережали его.

Глава третья

Гордон-сквер 46

Дом, куда в октябре 1904 года переехали Стивены, Вирджинии, оказавшейся в нем лишь два с половиной месяца спустя, показался поначалу холодным, мрачным, неудобным. Постепенно, однако, как это обычно бывает, она ощутила и преимущества нового места жительства. Верно, в Блумсбери было гораздо больше шума, чем в «сельском» Кенсингтоне, зато было проведено электричество, да и места в доме на Гордон-сквер было куда больше. У Вирджинии была теперь своя большая комната на самом верху, «необычайно чистая и пустая», где она, переехав, целыми днями раскладывала книги, передвигала мебель, вставила в рамки и повесила на стену рукописи отца, а также письмо ему от Джордж Элиот и стихотворение Лоуэлла. В холле сёстры развесили портреты родителей кисти Уоттса, фотографии Теннисона, Мередита, Браунинга, которых снимала Маргарет Кэмерон.

Вирджиния обустроивала свое жилье и «осваивала территорию» – «исхаживала улицы» (“haunted streets”), как она это называла. Едва ли кто из известных английских писателей исходил Лондон так, как Вирджиния, – и в этом смысле она тоже дочь своего отца. «Больше всего на свете люблю смотреть по сторонам», – неизменно повторяла она. Смотреть по

сторонам и размышлять – в городе это ей удавалось лучше, чем в сельской тиши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.